

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ.

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 82-1/-9

DOI: 10.26907/2658-3321.2020.3.3.224-242

ОБРАЗ-СИМВОЛ КРЫЛЬЕВ В ТАТАРСКОЙ ПОЭЗИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.: СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА
И ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ ЛИРИКИ САЖИДЫ СУЛЕЙМАНОВОЙ)

Г. Ф. Сафина

safinaq78@yandex.ru*Казанский государственный институт культуры, г. Казань, Россия*

Аннотация. На материале творчества С. Сулеймановой устанавливается семантическая структура и особенности функционирования образа-символа крыльев в татарской женской лирике 1960–1980-х гг. Уходящий корнями в древнейшие мифологические, космогонические представления, живущий в народном творчестве многих народов мира, образ-символ крыльев является знаковым и универсальным в мировой литературе. Установлено, что в татарской литературе, а именно в лирике, данная художественно-эстетическая конструкция носит синтетический характер: она вбирает в себя как общечеловеческие, универсальные смыслы, так и традиции национальной литературы. Полифункциональность символического звучания образа крыльев раскрывается в статье с учетом своеобразия художественного мира поэтессы: особенностей мироощущения, литературно-эстетической позиции, творческих принципов. Как показывает анализ, в женской поэзии образ-символ крыльев служит средством выражения экзистенциальных переживаний: творческого вдохновения, чувства любви, особых состояний эмоционального подъема или душевных смятений и пр. Анализируемый образ функционирует и на уровне тропов, пополняя арсенал изобразительно-выразительных средств поэтического языка автора, выступая в качестве метафор, сравнений. В этих субъектно-образных структурах выявляются различные нюансы (оттенки) специфического «женского» взгляда С. Сулеймановой на природу, человека, жизнь души, функционирование мира.

Ключевые слова: семантическая структура, образ-символ, татарская литература, лирика, традиции, женская поэзия, художественный мир поэтессы, субъектно-образные структуры.

Для цитирования: Сафина Г.Ф. Образ-символ крыльев в татарской поэзии Второй половины XX в.: семантическая структура и особенности функционирования (на примере лирики Сажиды Сулеймановой). *Казанский лингвистический журнал*. 2020; 3(3): 224–242.

**THE IMAGE-SYMBOL OF THE WINGS IN THE TATAR POETRY
SECOND HALF OF THE TWENTIETH CENTURY:
SEMANTIC STRUCTURE AND FEATURES OF FUNCTIONING
(ON THE EXAMPLE OF SAZHIDA SULEYMANOVA'S LYRICS)**

G. F. Safina

safinag78@yandex.ru

Kazan State Institute of Culture, Kazan, Russia

Abstract. The article establishes a semantic structure and peculiarities of functioning of the image-symbol of wings in the Tatar women's lyric poetry of 1960–1980s on the example of the creative work of S. Suleymanova. Rooted in the most ancient mythological and cosmogonic ideas, the folk art of many peoples of the world, the image-symbol of wings is significant and universal in world literature. It is established that in Tatar literature, namely in lyrics, this artistic and aesthetic construction has a synthetic character: it incorporates both universal meanings and traditions of national literature. In the article, the polyfunctionality of the image of wings is revealed; the author considers the originality of the artistic world of the poetess: the peculiarities of the worldview, literary and aesthetic position, and creative principles. As the analysis shows, in women's poetry the image-symbol of wings serves for expressing existential experiences: creative inspiration, a sense of love, a special state of emotional uplift or mental turmoil, etc. The analyzed image also enriches the stock of visual and expressive means of the authors' poetic language, used as metaphors and comparisons. These subjective and figurative structures reveal various nuances (shades) of S. Suleymanova's specific “female” view of nature, man, the life of the soul, and the functioning of the world.

Keywords: semantic structure, image-symbol, Tatar literature, lyrics, traditions, women's poetry, artistic world of the poetess, subjective and figurative structures.

For citation: Safina G.F. The image-symbol of the wings in the tatar poetry second half of the twentieth century: semantic structure and features of functioning (on the example of Sazhida Suleymanova's lyrics). *Kazan linguistic journal*. 2020; 3(3): 224–242. (In Russ)

Образ крыльев в художественной литературе восходит к древнейшим представлениям людей о духовности, святости, приобщении к небесным сферам. Так, в эпоху тенгрианства тюркские народы представляли солнце в образе огненной птицы. Солнце, око Тенгри-бога, бога неба, изображалось в виде диска с крыльями на монетах и амулетах гуннов, хазар, болгар. В архитектуре, геральдике Казани по сей день ярко представлены образы крылатого барса (герб города, Национальный музей), крылатого дракона (зиланта: парк Тысячелетия, ул. Петербургская, Центр семьи «Казан» («Чаша»)), орла (Национальная библиотека) и др. Наряду с татарской,

мифологии башкирского, казахского и киргизского народов свойствен образ тулпара, крылатого коня, соотносящегося с древнегреческим пегасом.

В мировых религиях представлено множество крылатых образов. Так, крылья божеств, ангелов (архангелов, херувимов) олицетворяют защиту, духовное служение. Татарскому народу известны коранические ангелы Газраил, Джибрил (Рух), Исрафил и др., осуществляющие посредничество между небесным и земным. Из мифов, древних легенд и обрядов, священных писаний, страниц истории человечества и мировых культур образы крыльев, птиц, мотивы полета и устремления «в небо» перешли в литературное творчество, стали одним из сквозных символов в поэзии.

В произведениях разных эпох, различных национальных литератур крылья служили символом вдохновения, свободы, независимости, а порой были знаком исключительности и превосходства. Одним из возможных источников подобного толкования могли быть истории, подобные мифу о Дедале и Икаре, тщетно дерзнувших обрести свободу с помощью самостоятельно изготовленных крыльев, ставших символами тщеславия и гордыни. В целом крылья воплощают силу воли, веру в мечту, целеустремленность, осуществление желаний. Это средство преодоления бренности земного бытия, возможность отрыва от сковывающей обыденности, устремления к высшим, идеальным сферам.

Одно из значений образа крыльев связано с любовью и влюбленностью. Порыв любовных чувств, ощущение счастья и полноты жизни нередко предстают в поэзии как состояние полета. Парность крыльев передает гармонию личных и семейных отношений. Опору на вторую половину, близких и родных людей тоже олицетворяют крылья.

Символика образов птиц и крыльев привлекала внимание исследователей: установлена семантическая структура этого образа в фольклорных текстах (Л. Замалиева [5], К. Миннуллин [8] и др.), в поэзии первой половины XX в. (Н. Юсупова [15]), в творчестве поэтов-модернистов первой трети XX в. (Д. Загидуллина [4]), отдельные наблюдения о функционировании этого

устойчивого образа-концепта в творчестве Н. Гамбара содержатся в статье В. Аминевой [1].

Образы крыльев, птиц очень частотны и выступают в разном семантическом наполнении в лирике известной татарской писательницы С. Сулеймановой (1926–1980), заслуженного работника культуры ТАССР. Сажида Гадельшевна Сулейманова оставила яркий след в развитии татарской литературы второй половины XX в. Автор сборников стихов и поэм, повестей, произведений для детей, она завоевала международное признание. Исследователи Т. Галиуллин [3], Н. Юзеев [14], Р. Мустафин [9], Ф. Сайфулина [10], а также множество известных собратьев Сулеймановой по перу отмечают философскую глубину, тонкую лиричность, музыкальность стилистики стихотворений поэтессы, ставших новым явлением в национальной культуре. Отмечены душевность и открытость автора в выражении чувств, метафоричность образов, ясность и простота поэтического самовыражения, активное проявление гражданской позиции [2].

Так, в стихотворении «Кеше» – «Человек» [12, с. 16] героиня отстаивает свое право носить гордое имя человека. Различные номинации героини, которые давали ей люди, сравнивающие ее с соколом, огнем, сталью, не могут превзойти это имя: *Лачын диләр, / канат кагып горур очканга. / Лачын булсам, жирне сөймәс идем. / Мин – кеше.* – Говорят, что я сокол, / Затем, что в полете высоком / крылом размахнувшимся / чувствую / облака / бег. / Я соколом был бы, / когда б не любил эту землю. / Я – человек! [13]. (Перевод Г. Глазова) Сокол здесь символизирует поэтический гений, отличающий героиню от остальных людей. Размахнувшееся крыло – знак особого состояния вдохновения, способности творить, когда становятся подвластны недостижимые для обыкновенного человека небесные материи. Однако этой способности сокола возвыситься, «чувствовать облака бег», лирическая героиня противопоставляет дар земной жизни. Право стоять на земле, любить земной мир, называться и быть человеком она ставит несомненно выше причастности к небесным сферам.

С крыльями Сулейманова нередко сравнивает вполне земные реалии. Зачастую это ландшафты родной земли, ее растительный мир. В стихотворении «Чэчэклэр аланда» – «Цветы на полянах» [12, с. 102] с крыльями сравниваются лепестки ромашек: *Чэчэклэр аланда, / чэчэклэр болында, / ак канат ромашка / гашийклар кулында.* – Цветы на полянах, / цветы на лугах, / белокрылая ромашка / в руках влюбленных. (Перевод наш – С. Г.) «Белокрылая» ромашка в руках влюбленных традиционно исполняет гадательную функцию («любит – не любит»). Взгляды гадающих с надеждой сосредоточены на последнем лепестке («крыле»): *Ярата, яратмый, / яратмый, ярата... / Өметле карашлар / иң соңгы канатта.* – Любит, не любит, / не любит, любит... / Взгляды с надеждой / на самом последнем крыле.

В целом, стихотворение «Чэчэклэр аланда» – «Цветы на полянах» построено на многократных повторах. Двукратное анафорическое повторение слов гадания на лепестках ромашки во втором и четвертом четверостишиях создает особый композиционный и ритмический эффект: *Ярата, яратмый, / яратмый, ярата* – Любит, не любит, / не любит, любит. Порядок глаголов в утвердительной и отрицательной формах меняется в другой строфе: *Ярата, яратмый, / ярата, яратмый...* – Любит, не любит, любит, не любит. Этими повторами словно создается извечное, из века в век неизменное многоголосие гадающих, сомневающихся в ответном чувстве возлюбленных. Незамысловатый текст гадания на цветке варьируется с помощью глаголов-синонимов: *Сөяме, сөймиме, / сөяме, сөймиме...* – Любит, не любит, / не любит, любит. Вместе с последующими строками строфы они создают выразительный фонетический и интонационный рисунок.

Обращает на себя внимание аллитерационный прием в данном четверостишии, повтор созвучных слов, начинающихся с «с»: *сөймиме – сөйлиме, сөяме – сөйгәне, сүзне...* Две последние строки содержат риторический вопрос: *Сөйгәне әйтмәгән / сүзне гөл сөйлиме?* – Несказанное любимым / слово может ли цветок сказать? Использование анжамбемана (*әйтмәгән / сүзне*) усиливает внимание к словам: *несказанное / слово*. Метонимия помогает

выразить парадоксальную мысль о том, что если о своих чувствах молчит любимый человек, то мучительные переживания влюбленного наделяют цветок возможностью говорить. В сознании читателя рождаются размышления о том, что же извечно мешает людям, которым дан дар слова, выражать ими чувства? Почему, то ли в шутку, то ли всерьез, человек всегда будет искать ответ на один и тот же вопрос, прибегая к силам природы или к таким очаровательным ее созданиям, как хрупкая ромашка?

В стихотворении многократно повторено слово «цветы» – «чэчэклэр». Так, стихотворение начинается со строк: *Чэчэклэр аланда, / чэчэклэр болында* – Цветы на поляне, цветы на лугу... и завершается сходной конструкцией: *Чэчэклэр кырларда, / чэчэклэр юлларда* – Цветы на полях, цветы на дорогах. Цветов много повсеместно, сколько их с оборванными «крыльями»! *Никадэр чэчэклэр / өзелгән канатлы* (в данных строках стихотворения использован прием инверсии). Родная земля богата россыпью цветов. Так же много не только взволнованно гадающих на ромашке влюбленных, но и нашедших свою половину: *Табышкан, кавышкан / күп икән дөньяда*. Финал оптимистичен: благодаря устанавливающейся семантической эквивалентности между крыльями и лепестками ромашки любовные сомнения развеиваются и влюбленные соединяются. В произведении «Чэчэклэр аланда» крылья не только выступают как метафорическое обозначение лепестков ромашки, но и органично вплетаются в художественную ткань стихотворения любовной тематики, ассоциируясь с состоянием «окрыленности» людей в моменты влюбленности.

В стихотворении «Офык диңгезендә ал жилкәндәй...» – «Как алый парус в море горизонта...» [12, с. 158] крыльями поэтесса называет лепестки другого цветка – мака. Ожидая рассвета, мак раскрывает лепестки-крылья навстречу первым лучам солнца, стремясь поведать все свои секреты. Звучит обращение к ветерку с просьбой веять осторожнее, дабы нежный цветок не осыпал и не сомкнул свои «крылья».

Дар творчества, поэтический гений человека в лирических произведениях часто обозначается обладанием крыльями, способностью вознестись в небеса. Сажида Сулейманова продолжает данную традицию в стихотворении «Бүтән мэхэббат» – «Другая любовь» [12, с. 310], раскрывающем сложную природу поэтического творчества. *Бар бит әле бүтән мэхэббат* – Есть ведь еще и другая любовь, – используя перифраз, говорит героиня Сулеймановой о поэзии. Она стойкая, пусть клюют ее тысячи ястребов, ее жилы не смогут отсечь тысячи палачей: *чукыса да аны мең карчыга, / чаба алмас тамырын мең жәллад*. Образ хищной птицы, ястреба, символизирует жестокость вражеских сил.

К образу птицы поэтесса прибегает в передаче предвкушения поэтического вдохновения. Желая вновь и вновь испытывать эти порывы, сердце «трепещет» в груди, бьется, как птица, готовая в любой момент взмыть в высокие просторы: *Очрашулар көтеп йөргән чакта / очар коштай йөрәк талпына*.

Проявления поэтического таланта, с одной стороны, отождествляются с чувством человеческой любви. Эта «другая любовь» не проходит с годами, и потребность в ней по прошествии времени только усиливается. Как и земная любовь, поэтическое вдохновение может застичнуть в любой, даже самый неподходящий, момент: *Төшләреңә кереп уята ул, / уйларыңны кинәт чуалта. Халык тулы урам уртасында / юлларыңны бүлеп оялта*. – Приходит она (другая любовь) во сне, пробуждает, / вдруг спутывает мысли. / Посредине людной улицы сбивает с пути, ввергая в неловкость. (Перевод наш – С. Г.)

Поэзия охарактеризована двояко, олицетворена противоположными мифологическими образами колдуна, иблиса (сатаны) и крылатого белоснежного ангела: они могут захватить, завертеть в вихре песенного вальса. Дар писать стихи не только несет в себе положительные свойства, но и может повлечь за собой отнюдь не счастливые для своего обладателя последствия. И снова Сулейманова показывает двойственную природу творчества, используя прием антитезы. Вкрапляя в текст национальные, коранические образы, поэтесса окутывает дар творчества в волшебные или неприглядно-обыденные, возвышенные или низменные тона.

Творчество являет собой одновременно и добро и зло, и свет и тьму. Дар писать стихи – это и день, когда ты шах или шахиня, царственно паришь на седьмом небе вдохновения. В то же время – это и ночь, когда ты беспризорным щенком скулишь у ворот. Вдохновение может покинуть, и этим обречь на страдания. Тогда мир становится темным и пустым. Возможность творить здесь мыслится неким «домом», пристанищем души художника, и, если его ворота закрыты для тебя, ты не больше, чем жалкий бездомный щенок. Однако мучительная по своей природе писательская деятельность в то же время необходима женщине как воздух. Лирическая героиня, бросая весь мир, на рассвете отправляется на поиски этой «другой любви», она готова отдать душу в ее объятиях, только бы та не отстранила, не отвергла. Поэтический дар наделяется магическими свойствами. Эта магия «другой любви» зачаровывает героиню.

В финале выступает величественная мифическая женщина-птица – хөррият, символизирующая свободу. Не важно, греховна она или добродетельна. Поэтесса применяет антонимичную религиозную лексику: *халал* (разрешенные, одобряемые шариатом дела и мысли) – *харам* (запретные, греховные деяния, грозящие адом). Странная, чарующая «хөррият», крылатая богиня, взяла героиню в свой плен, и имя ей – Творчество, Поэзия.

Стихотворение глубоко субъективно и автобиографично, оно, поистине, «выстрадано». Сажиди Сулейманова, писательница, учитель, редактор радиопрограмм, активный общественный деятель, жена, мать, переживала муки творчества практически на физическом уровне. Так, супруг поэтессы, писатель Адип Маликов, вспоминает, что в периоды «вынашивания» своих творческих замыслов Сажиди становилась замкнутой и даже худела: *Сажидә Сөләйманова поэзия мәйданына 35 яшендә, унбиш еллап укыту стажы белән килеп керде. <...> Язып калырга ашыкты ул. <...> Шигырьләрен бик авырлык белән, сызланып, газапланып язды Сажидә. Яңасы төгәлләнгәнче, әйдә рәтләп сөйләшми, үз эченә бикләнеп йөри, хәтта ябыгып кала. <...> Уңай фикер*

ишетсә, башы күккә тиярдәй булып сөнә. <...> Матур шигърь туган көнне өйдә бәйрәм – Сажида Сулейманова вошла на поэтическую арену в 35 лет, с пятнадцатилетним педагогическим стажем. <...> Она торопилась успеть написать. <...> Свои стихи она писала с большим трудом, болея, страдая. До завершения нового стихотворения дома толком не разговаривает, ходит, замкнувшись в себе, даже похудеет. <...> Если услышит одобрение – радуется, чуть ли не головой небо задевает. <...> В день рождения красивого стиха в доме – праздник [6, с. 166]. (Перевод наш – С. Г.)

В первой же пробе своего пера, стихотворении «Ач, шигъриять, серләреңне» – «Открой, поэзия, свои секреты» [12, с. 40], поэтесса риторически вопрошает: *Кем уйламый бер очарга, / йолдызларга юл төбәп. / Уйларымны жырға салам – / яшендәй сүзләр кирәк.* – Кто не думает раз взлететь, / прорезая путь к звездам. / Свои мысли кладу на песни – / нужны слова, подобные молнии. (Перевод наш – С. Г.) Воплощение темы творчества в лирике Сулеймановой, таким образом, происходит посредством мотивов полета, окрыленности, устремления к заоблачным высотам.

Поэзии С. Сулеймановой присуща интертекстуальность. В ее стихах встречаются реминисценции из творчества классиков татарской, русской и мировой литературы. Так, в стихотворении «Кызыл каурыйлар» – «Красные перья» [12, с. 296] «о свободе души, национальной гордости, верности своим идеалам, преданности, вере и чести» [10] возникает образ беркута, связанный с героическим пафосом темы поэта и поэзии. Эпиграфом, опираясь на мифопоэтические традиции русского гражданского романтизма, С. Сулейманова избрала строки из В. Кюхельбекера («На смерть Якубовича»): *Он был из первых в стае той орлиной, / Которой ведь и я принадлежал...*

Кеше барыбер кошлар нәселеннән! / Төшләремдә очам кош булып. – Все равно человек из племени птиц! В своих снах летаю птицей. (Перевод наш – С. Г.) Так заявляется в первой строке известного стихотворения Сулеймановой. Этому стремлению не препятствуют многочисленные падения при взлете, и только с высоты можно постичь красоту земли. В поэтике Сулеймановой два

начала – неба и земли – неразрывно связаны и одно не мыслится без другого:
*И все же человек подобен птице! / Во сне летаю. / Ветер свищет в грудь. /
 Но сколько б мы ни падали при взлете, / Мы снова ищем тайный птичий путь. /
 Так, словно что-то нами позабыто / там, в вышине, где звезды ночь прожгли...
 / Покуда не взберешься на вершину, / постичь не сможешь красоту земли [13].*
 (Перевод Г. Глазова)

По Сулеймановой, стремление к полету, к неизведанным тайнам неба, волнующим «что-то позабытое нами», свойственно человеческой натуре. О некой «прапамяти птиц», живущей в душе человека, пишет и Д. Ф. Загидуллина, анализируя в своей статье лирику современной поэтессы Лилии Гибадуллиной: «В стихотворении «Ә очасы килә...» («А летать хочется...») желание летать типизируется как неосуществимая мечта всех людей, в душе которых живет прапамять птиц» [4].

Мотивы полета, окрыления, связывающие природу человеческих стремлений с сущностью птиц, являются устоявшейся поэтической традицией, которая обнаруживает свое развитие и в лирике классических татарских поэтов, и в произведениях авторов наших дней. Крылья – неотъемлемая составляющая любовной лирики Сулеймановой. В стихотворении «Сөюмени» – «Разве любовь» [12, с. 34] задается риторический вопрос: *Сөюмени, / бәхет каршына / канатланып куңелең очмаса.* – Разве любовь, / если навстречу счастью / не летит окрыляясь душа. (Перевод наш – С. Г.) Чувство любви дарует душе крылья и устремляет ее навстречу счастью.

Воспевая красоту возлюбленного, лирическая героиня стихотворения «Ah, ник түгел жилдәй жиңел чагым?...» – «Ах, почему не та пора, когда я легче ветра?...» [12, с. 129] уподобляет его брови и ресницы паре крыльев: *Пар канатлар – кашың, керфегең. / Шул канатка кунып очар идем, / изге хыял итеп жир-күгем.* – Пара крыльев – твои брови, ресницы, / Я бы полетела на этих крыльях, / обратив в мечту свою землю и небо. (Перевод наш – С. Г.) Однако мир героини, грузом клятв и надежд легший на ее плечи, тянет к себе, не позволяя отдаться любовным мечтам. Нет, она отрекается от любви, отказывается смотреть в глаза мужчины, у которого

тоже есть своя земля, своя страна. Все же кольцевая композиция замыкается восхищением красотой любимого: *Кош канаты – кашың-керфегең – Крылья птицы – твои брови-ресницы.*

Музыкальность слога, уникальное благозвучие стиха, своеобразие ритма и вместе с тем глубоко национальный колорит многих стихотворений поэтессы, включая рассмотренное ниже, дали возможность татарским композиторам (М. Имашеву, М. Шамсутдиновой, Э. Булатову, С. Садыковой, Р. Яхину и др.) положить их на музыку. Творчество Сулеймановой вошло в культуру и быт соотечественников и в виде более 30 песен [2].

В стихотворении «Саубуллашу вальсы» – «Прощальный вальс» [12, с. 96], написанном в традициях народной песни, поэтессой подмечено сходство оборок белых школьных фартуков с белыми крыльями: *Ак альяпкычларда ак канат, / күңел оча, гүя акчарлак. / Ак канат иңнәрдә, / җилферди җилләрдә, / күңел оча ерак җирләргә.* – На белых фартуках белые крылья, душа летит, как чайка. Белые крылья на плечах развеваются ветрами, душа летит в дальние края. (Перевод наш – С. Г.). Школа вырастила и окрылила своих воспитанников, сейчас перед ними открыты новые дороги. В финале вновь возникает образ белого фартука, который пришла пора снять, на смену ему приходит белый парус мечты, готовый следующим же утром тронуться в путь. *Альяпкычың, дустым, ак икән, / ак булса да, салыр чак җиткән. / Хыяллар ак җилкән, / кузгалырбыз иртән, / ерак юлга чыгар чак җиткән.* – Твой фартук, подруга, белый, оказывается, / даже если и белый, пришла пора снять. / Мечты – белый парусник, / с утра тронемся, / пришла пора отправляться в дальний путь. (Перевод наш – С. Г.) Белые крылья, летящая, словно чайка, душа символизируют чистоту, юность, светлые надежды, начало жизни, готовность на белом паруснике мечты пуститься в ее водоворот.

Примечательно, что белый цвет, как один из значимых цветов в художественном сознании татар, занимает важное место и в лирике С. Сулеймановой. «Поэтессе близки по духу метафоры, связанные с белым цветом. Это отражение особого состояния души человека – открытого всему

доброму, чистому», – пишет Ф. Сайфулина [10]. В активном функционировании образов птиц (кукушки, перелетных птиц, диких гусей, журавлей и др.) в лирике Сулеймановой Ф. Сайфулина прослеживает продолжение народно-поэтических традиций: «Как в народной поэзии, в творчестве С. Сулеймановой часто встречаются образы птиц. Улетающие на юг клинья журавлей, диких гусей вносят в ее поэзию особый лиризм ('моң'), душевную грусть, заставляют думать об ушедшей юности, о несбывшихся мечтах, о далекой родине...» [10].

В стихотворении Сулеймановой «Болыннарда сихри бер ямь» – «На лугах волшебная краса» [12, с. 97] фигурируют «крылатые» образы соловья, сокола, коршуна, мотылька. Героиня восхищается красотой лугов, плетет цветочные венки, наблюдает, как при дуновении легкого ветра черемуха осыпает белый жемчуг, мотылек пьет из цветов росу... В пейзажные зарисовки вплетаются экзистенциальные размышления о хрупкости мира (*бәтен дөнья чәчкә генә* – весь мир – только лишь цветок), о необычайной щедрости природы (*бу табигать нинди юмарт!*), иллюзорности и быстротечности жизни (*дөнья аңа гөлгенәдәй, / гомере ләкин бер генә жәй*. – мир кажется ему / белому мотыльку / только лишь цветником, но его жизнь – одно единственное лето). (Перевод наш – С. Г.)

Своеобразные философские умозаключения сосредоточены в последней строке каждого четверостишия. Если в первой половине стихотворения лирический субъект сосредоточен на созерцании природных проявлений, то во второй части возникает сосредоточенность на себе самом (прием параллелизма). Она выражается в обращенных к самой себе вопросах, нарастающем чувстве тревоги, переданном контрастными образами: *И былбылым, сандугачым, / бармы сайрап туяр чагың? / Гүзәллектән эри жаным, / бармы, башым, уяу сагың?* – О соловей мой, / есть ли пора, когда ты насытишься петь? / От красоты тает душа, / Есть ли, голова моя, у тебя бдительный страж? (Перевод наш – С. Г.)

Подобно мотыльку, в представлении лирической героини весь мир – цветник, но жизнь длится одно лето. Заметим, что образ мотылька имеет суфийские традиции. Соловей традиционно символизирует творческое вдохновение. Однако в тревожном мире, заслушавшись соловьем, можно лишиться птенцов, за которыми охотится коршун: *Былбыл таушын тынлап йөрсәм, / бәбкәләрне аулый тилгән*. Мир полон и радостей (*сөөндерә язгы тамчы* – радуется весенняя капель), и тревог (*сискәндерә яшен-камчы* – плети молнии заставляют вздрагивать). Однако в жизнеутверждающем финале звучит стойкая поэтическая позиция: *Ә син сайра, сандугачым, / куңел – былбыл, / йөрәк – лачын. – А ты пой, мой соловей, / душа – соловей* ('былбыл' – поэтическое наименование соловья), / сердце – сокол. Душа поэта, как и соловей, создана для песен, а сильное «соколиное» сердце выдержит все испытания. Сокол ('лачын') – традиционный в татарской литературе образ-символ чести, благородства, смелости и стойкости.

Стихотворение «Казан вальсы» – «Казанский вальс» [12, с. 428] имеет переключки с тукаевскими произведениями: пара лошадей осталась ждать на лугу, а героиню принесли в Казань крылья: *Аланнарда кәтә калды пар атлар, / Алып килде мине сиңа канатлар*.

Произведение «Туган илгә булган тугрылыкны» – «Верность родному краю» [12, с. 25] также содержит аллюзии на поэзию Г. Тукая и излюбленный образ классика – птицу души: *Гөлбакчага керсәң, куңел кошы, / и алданма купшы бизәккә, / Һәр мизгеле елның исәптә*. – Если зайдешь в цветущий сад, птица души, / о не обманись вычурным украшением, / Каждое мгновение у года на счету. (Перевод наш – С. Г.)

Образы не только земных, реальных птиц, но и фантастических, мифических, имеющих литературную историю птиц души (см. выше), птиц счастья («Янә килдем Минзәләгә» – «Снова приехала в Мензелинск»), предстают в лирике Сулеймановой. Так, в стихотворении «Сер алдым» – «Узнала секрет» [12, с. 481] героиня «приходит в мир во второй раз», перед ней

открываются тайны будущего, лицом к лицу она встречается с птицей счастья, испытывает силу ее крыльев.

Анализируемые образы отразились в поэтике множества произведений поэтессы разной тематики. Так, в стихотворении «Туй жыры» – «Свадебная песня» с парой соловьев сравниваются молодые. В произведении «Бер хәтирә» – «Одно воспоминание» письма-чайки трепещут в руках, торопясь улететь. В песне «Диңгезче язы» – «Весна моряка» звучит обращение к родине посредством караванов перелетных птиц. Накатившую яростную пенную морскую волну лирический субъект сравнивает с крыльями налетающего седого ястреба в стихотворении «Чал карчыга» – «Седой ястреб».

В стихотворениях «Сабыр канатлары» – «Крылья терпения», «Каз канаты» – «Гусиное крыло», «Кыр казлары» – «Дикие гуси», «Кечкенә йорт бар тайгада» – «Есть в тайге маленький дом», «Яр тулып бозлар акканда...» – «Когда текут льды, заполняя берега», «Буранлы кошларым...» – «Мои буранные зимы», «Болытларны ярып нидер үтте...» – «Что-то прошло, разрезав тучи», «Ымсындыңмы, күнел?..» – «Обманулась, душа?», «Су буйларын буйлым» – «Иду вдоль берега реки», «Шатлык кояш кебек балкып чыга» – «Радость сияя восходит, как солнце» и др. образы крыльев, птиц, мотив полета предстают в различных смысловых трансформациях. Они служат средством выражения особенностей индивидуально-личностной позиции автора, отражающей философско-эстетические традиции национальной литературы.

С. Сулейманова, первая поэтесса эпохи 1960-х гг., заложившая основы «женской» поэзии в национальной литературе, является образцом, «иконой» для большинства молодых авторов конца XX–XXI в.

Так, обладательница литературной премии имени С. Сулеймановой Луиза Янсуар, чье творчество завоевало вершины современного поэтического олимпа, росла в атмосфере почитания творчества своей именитой предшественницы: *Книги были везде и всегда. Я не помню такого, чтобы у нас дома кто-нибудь не читал. Все кого-либо читали и живо обсуждали. Помню, был культ Сажиды Сулеймановой. Домашние называли ее не иначе, как «Сәжидә апаң»,*

«твоя Сажид апа». Поэтому у меня вначале сложилось четкое ощущение, что «Сажид апа» – это наша дальняя родственница. А не приезжает только потому, что живет где-то далеко... [16].

Современные татарские поэтессы продолжают традиции Сулеймановой и в то же время переосмысливают их. Л. Янсуар, Э. Хадиева, Г. Гарипова и др. также прибегают к таким универсальным, знаковым в культуре структурам, как образы-символы крыльев, птиц, полета. Исследование специфики их функционирования в современной женской поэзии значимо для понимания устойчивого и изменчивого, статичного и динамичного в национальном историко-литературном процессе.

Итак, образы крыльев и птицы функционируют в татарской поэзии второй половины XX в. как устойчивые структурно-семантические комплексы, вбирающие в себя широкий спектр значений: творческого вдохновения, любовного порыва, осознания собственной исключительности, попытки преодолеть несовершенство земной жизни, поэтизации лирического «я», метафоризации предметно-образного мира, одухотворения и эстетизации жизненных реалий. Они выступают как традиционные символы и образы-концепты, отсылающие к определенной поэтической традиции и выступающие в качестве маркеров национальной идентичности текстов. В то же время в поэзии С. Сулеймановой птицы / крылья – это парный индивидуально-авторский символ, являющийся средством обнаружения экзистенциального смысла запечатленных в тексте переживаний, их универсализации.

Литература

1. Аминева В.Р. Интертекстуальность как прием поэтики Н. Гамбара. Вопросы изучения национальных литератур. Дискурс идентичности в меняющихся контекстах. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 385–412.
2. Валеева-Сулейманова Г., Маликов А.А. Сулейманова Сажид Гадельшевна. Альметьевская энциклопедия // URL: <http://almet->

history.tatneft.ru/personalii/m-t/s/smo-suh/suleymanova-sazhida-gadelsheva?lang=ru (дата обращения: 13.09.2020).

3. *Галиуллин Т.Н.* Шигъриять баскычлары: Әдәби тәнкыйть мәкаләләре. Казан: Мәгариф, 2002. 231 б.

4. *Загидуллина Д.Ф.* Постмодернизм в татарской поэзии: поэтика иллюзорности в творчестве Л.Ф. Гибадуллиной. Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 158, кн. 1. С. 27–36. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postmodernizm-v-tatarskoy-poezii-poetika-illyuzornosti-v-tvorchestve-l-f-gibadullinoy> (дата обращения: 13.09.2020).

5. *Замалиева Л. Ф.* Орнитоморфный образ в татарской поэзии: кукушка. Филология и культура. Philology and culture. 2014. №2 (36) С. 131–134. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ornitomorfnyy-obraz-v-tatarskoy-poezii-kukushka> (дата обращения: 13.09.2020).

6. *Маликов Ә.* Сажидәгә хатлар. Казан утлары. 1986. №10. Б. 165–177.

7. *Маликов Ә., Маликова А.* Сажидә Сөләйманова – шигъриятьнең күк чәчәге. Казан: Рухият, 2016.

8. *Миннуллин К. М.* Песня как искусство слова: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2001. // URL: <https://docplayer.ru/61153086-Minnullin-kim-mugallimovich-pesnya-kak-iskusstvo-slova-tatarskaya-literatura-avtoreferat.html> (дата обращения: 13.09.2020).

9. *Мустафин Р.* Подснежник и магнолия. Литературное обозрение. 1987. №7.

10. *Сайфулина Ф. С.* Поэзия Сажиды Сулеймановой: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1998. // URL: <http://cheloveknauka.com/poeziya-sazhidy-suleymanovoy#ixzz6MiIRxyu1> (дата обращения: 13.09.2020).

11. *Сайфулина Ф.* Шигъри сүзнең сихри көче. Шагыйрә Сажидә Сөләйманова ижаты. Тобольск: ТГПИ, 2001.

12. *Сөләйманова С.* Тормыш, исәнме! Шигырьләр, поэмалар. Казан: Рухият, 1998. 511 б.

13. Стихотворения из сборника Сажида Сулеймановой «Со звездами наедине». Наталья Лайдинен: сайт. // URL: <http://www.laidinen.ru/women.php?part=4591&letter=%D1&code=6399> (дата обращения: 13.09.2020).

14. Юзеев Н. Хәзерге татар поэтикасы (Поэзия теориясенә кереш). Казан, 1973.

15. Юсупова Н.М. Особенности символизации в татарской поэзии XX века. Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2018. №4 (82). Ч. 1. С. 37–40. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-simvolizatsii-v-tatarskoj-poezii-hh-veka> (дата обращения: 13.09.2020).

16. Янсуар Л. «Дом, в котором», или Изнанка мира. *Идель*. 2019. 7 авг. // URL: <http://idel-tat.ru/news/blog/dom-v-kotorom-ili-iznanka-mira> (дата обращения: 13.09.2020).

17. Янсуар Л. К Сажида Сулеймановой – в Альметьевск! Татарстан. 2016. 20 сент. // URL: <http://protatarstan.ru/k-sazhide-suleymanovoy-v-almetyevsk/> (дата обращения: 13.09.2020).

References

1. Amineva V.R. (2017). Intertextuality as a method of N. Gambar's poetics. *Voprosy izucheniya natsional'nykh literatur. Diskurs identichnosti v menyayushchikhsya kontekstakh*. Pp. 385–412. Moscow, IMLI RAN. (In Russian)

2. Galiullin T.N. (2002). Poetic stages: literary critical articles. 231 p. Kazan, Məgarif. (In Tatar)

3. Malikov Ə. (1986). Letters to Sazida. *Kazan utlary*. №10. Pp. 165–177. (In Tatar)

4. Malikov Ə., Malikova A. (2016). Sazida Suleymanova – the celestial flower of poetry. *Kazan, Rukhiyat*. (In Tatar)

5. Minnullin, K. \M. (2001). Song as the art of words: abstract. dis. ... d-r of filol. Kazan. // URL: <https://docplayer.ru/61153086-Minnullin-kim-mugallimovich-pesnya-kak-iskusstvo-slova-tatarskaya-literatura-avtoreferat.html> (accessed: 13.09.2020). (In Russian)

6. *Mustafin, R.* (1987). Snowdrop and Magnolia. Literaturnoe obozrenie. №7. (In Russian)
7. *Saifulina, F.* (2001). The magic power of the poetic word. Creativity of the poet Sazida Suleymanova. Tobol'sk, TGPI (In Tatar)
8. *Saifulina, F.S.* (1998). Poetry of Sazhida Suleymanova: abstract. dis. ... cand. of filol. Kazan. // URL: <http://cheloveknauka.com/poeziya-sazhidy-suleymanovoy#ixzz6MiIRxy1> (accessed: 13.09.2020). (In Russian)
9. *Söläimanova S.* (1998). Life, Hello! Poems. 511 p. Kazan, Rukhiyat. (In Tatar)
10. Poems from the collection of Sazhida Suleymanova “With the stars alone”. // Natal'ya Laidinen: sait. // URL: <http://www.laidinen.ru/women.php?part=4591&letter=%D1&code=6399> (accessed: 13.09.2020). (In Russian)
11. *Valeeva-Suleimanova G., Malikov A.A.* Suleymanova Sazhida Gadelshevna. Al'met'evskaya entsiklopediya // URL: <http://almet-history.tatneft.ru/personalii/m-t/s/smo-suh/suleymanova-sazhida-gadelshevna?lang=ru> (accessed: 13.09.2020). (In Russian)
12. *Yansuar L.* (2019). “The house in which”, or the Underside of the world. Idel'. 7 avg. // URL: <http://idel-tat.ru/news/blog/dom-v-kotorom-ili-iznanka-mira> (accessed: 13.09.2020). (In Russian)
13. *Yansuar L.* (2016). To Sazhida Suleymanova – to Almetyevsk! Tatarstan. 20 sent. // URL: <http://protatarstan.ru/k-sazhide-suleymanovoy-v-almetyevsk/> (accessed: 13.09.2020). (In Russian)
14. *Yusupova N.M.* (2018). Features of symbolization in Tatar poetry of the XX century. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov. №4 (82). Iss. 1. Pp. 37–40. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-simvolizatsii-v-tatarskoy-poezii-hh-veka> (accessed: 13.09.2020). (In Russian)
15. *Yuzeev N.* (1973) Modern Tatar poetics (introduction to the theory of poetry). Kazan. (In Tatar)

16. *Zagidullina D.F.* (2016). Postmodernism in the Tatar poetry: poetics of illusion in the works of L. F. Gibadullina. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. Vol. 158, Iss. 1. Pp. 27–36. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postmodernizm-v-tatarskoy-poezii-poetika-illyuzornosti-v-tvorchestve-l-f-gibadullinoy> (accessed: 13.09.2020). (In Russian)
17. *Zamalieva L.F.* (2014). Ornithomorphic image in Tatar poetry: cuckoo. *Filologiya i kul'tura. Philology and culture*. №2 (36). Pp. 131–134. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ornitomorfnyy-obraz-v-tatarskoy-poezii-kukushka> (accessed: 13.09.2020). (In Russian)

Автор публикации

Сафина Гульнара Фаридовна –

*кандидат филологических наук,
старший преподаватель*

*Казанский государственный институт
культуры*

Казань, Россия

Email: safinag78@yandex.ru

Author of the publication

Safina Gulnara Faridovna –

*PhD in Philology,
Senior lecturer*

*Kazan State Institute of Culture
Kazan, Russia*

Email: safinag78@yandex.ru